

Методологические проблемы понимания вещного права, его значение в контексте современного реформирования гражданского законодательства РФ

Аннотация. В статье анализируются методологические проблемы понимания вещного права – одного из центральных институтов гражданского права. Рассматривается понимание и различия таких гносеологических категорий, как признак и свойство. И на этой основе анализируются признаки вещного права. Анализируются различные дефиниции вещных прав, в том числе определение, предложенное в проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ». Подвергается критике узкий подход к определению вещного права, когда последнее связывается исключительно с правом собственности. Критикуется догматический подход, ориентированный на выделение только тех признаков вещного права, которые указаны законодателем. Рассматривается модель «расщепленной» собственности. Анализ ряда признаков вещного права проводится с учетом современных возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями и виртуальным пространством. Автор обосновывает положение о том, что методологически некорректно выделять в определении вещного права такой признак, как «непосредственное (или «прямое») господство лица над вещью», так как это – особенность, свойственная праву собственности – одному из элементов в системе вещных прав, хотя и важнейшему, но не единственному. Дается авторское определение вещного права.

Ключевые слова: вещное право; вещные права; обязательственные права; собственность; право на чужую вещь; вещно-правовые иски; правоотношение

В понимании сущности категории «вещное право» можно выделить, по меньшей мере, два гносеологических аспекта: 1) когда вещное право характеризуется на общем (абстрактном) уровне и 2) когда автором излагается более содержательное определение данной категории.

Говоря о первом познавательном уровне, можно привести высказывание Н. Н. Аверченко, когда он утверждает: «Именно вещное право оформляет принадлежность вещей – самых распространенных объектов гражданских прав – лицам, устанавливая тем самым необходимые стартовые предпосылки для гражданского оборота»¹.

С широких позиций характеризуют вещное право также М. И. Брагинский и В. В. Витрянский, указывая на то, что «вещным правом является любое титульное владение, стороны договора могут создавать новые вещные права, неизвестные закону»².

По поводу вышеприведенных высказываний авторов представляется необходимым обратить внимание на их некоторую смысловую неточность. Так, вряд ли корректно усматривать сущность вещного права в том, что оно «оформляет принадлежность вещей» лицам, сводя, по сути, весь круг вещных прав к праву собственности, хотя и, безусловно, очень важному среди них.

* **Михаил Николаевич Семякин**, д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник управления научных исследований УрГЮУ, профессор и заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

¹ Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – М. : РГ-Пресс, 2011. – С. 585 (§1 гл. 19 – автор Н. Н. Аверченко).

² Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1 : Общие положения. – 2-е изд. – М., 1999. – С. 501.

Что же касается отнесения к вещному праву «любого титульного владения», то такой взгляд, как представляется, не учитывает в должной мере различий «титульного владения» как элемента объекта вещного права и «титульного владения» как элемента объекта обязательственного права. Так, перевозчик по договору перевозки, доставляя вещь от продавца покупателю, осуществляет «титульное владение» ею, однако такое «владение» носит, главным образом, обязательно-правовой, а не вещный характер.

Та часть вышеприведенного высказывания, которая касается того, что «стороны договора могут создавать новые вещные права, неизвестные закону», вряд ли соответствует позиции законодателя относительно закрытого характера перечня вещных прав, а в научном сообществе такое мнение далеко не бесспорно.

В контексте истории римского права И. А. Покровский отмечал: «Область вещных прав, хотя бы практически, знала тогда некоторые “права на чужие вещи” (*jura in re aliena*), позволяющие осуществлять не зависящее от согласия собственника использование имущества (главным образом земельных участков) иными законными владельцами»³. Иначе говоря, здесь «вещные права», по сути, идентифицируются с «правами на чужие вещи», что характерно только для той их части, которая именуется как «ограниченные вещные права».

Однако в более позднее время – период господства феодализма XII–XIV вв. – представления о вещном праве как «праве на чужую вещь» трансформировались в теоретическую установку так называемой «расщепленной» («разделенной») собственности, когда несколько лиц могли идентифицировать себя в отношении одного и того же объекта (как правило, земельного участка) как собственники с различным правовым «статусом» – верховного и подчиненного, с безусловным приоритетом первого⁴.

В западной литературе модель «расщепленной» собственности носит достаточно распространенный характер и имеет немало своих приверженцев⁵.

Однако в российской доктрине данная юридическая модель не получила столь широкого признания, поскольку отечественная частноправовая теория собственности исходит из римской правовой традиции о том, что в отношении одной и той же вещи не может быть двух и более самостоятельных собственников, а следовательно, и нескольких отдельных прав собственности. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что и в российской доктрине имеется ряд приверженцев теории «расщепленной» собственности⁶.

Не вдаваясь здесь в конкретику модели «расщепленной» собственности – это предмет отдельного исследования, – необходимо обратить внимание, по меньшей мере, на три момента.

Во-первых, данная модель представляется перспективной для разработки ее применительно ко многим современным экономическим реалиям, которые в настоящее время становится всё более проблематично объяснить с позиции тра-

³ Покровский И. А. История римского права / пер. с лат. А. Д. Рудокваса. – СПб., 1999. – С. 320.

⁴ Более подробно см.: Солидори Маруотти Л. «Абсолютная собственность» и «относительная собственность» в европейской правовой истории // Древнее право. – 2004. – № 2. – С. 7 и след.; см. об этом также: Гражданское право : учебник : в 3 т. – Т. 1. – С. 585.

⁵ Более подробно об этом см.: Parisi F. Duality in Property // American Journal of Comparative Law. – 2002. – Vol. 50. – P. 595–622; Паризи Ф. Энтропия собственности // Ежегодник сравнительного права. 2011 / под ред. Д. В. Дождева. – М.: Статут, 2011. – С. 188–226.

⁶ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М.-Л., 1948. – С. 65; Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права : сб. ст. – М., 2000. – С. 87; Андреев В. К. О праве частной собственности в России (критический очерк) // СПС «КонсультантПлюс»; Кулагин М. И. Избранные труды. – М., 1997. – С. 224.

диционного (по сути – древнеримского) сугубо формального подхода – в отношении одной и той же вещи не может быть нескольких самостоятельных собственников, а следовательно, и прав собственности.

Во-вторых, вместе с тем использовать модель «расщепленной» собственности для выражения «субстанции» всей системы вещных прав, наверное, методологически вряд ли оправдано; право собственности (при всей его важности) является всего лишь одним из элементов в современной достаточно широкой системе вещных прав, и поэтому вряд ли правильным будет характеризовать весь состав элементов данной системы через призму только модели «расщепленной» собственности.

В-третьих, широкое понимание модели «расщепленной» собственности нельзя экстраполировать на интерпретацию всего состава элементов системы вещных прав, поскольку это может привести к элиминированию различий вещных и обязательственных прав.

Второй подход к проблеме понимания вещного права – на более конкретизированном уровне, – когда авторы свое видение феномена вещного права формулируют как ряд тех или иных определений данной категории. Так, по мысли Е. А. Суханова, «вещным правом является установленное законом абсолютное субъективное гражданское право, предоставляющее своему обладателю возможность *непосредственного господства над индивидуально-определенной вещью* (курсив – авт.) и отстранения от нее всех других лиц, защищаемое специальными гражданско-правовыми исками»⁷.

Как полагает Л. В. Щенникова, «вещным признается право, предметом которого является вещь, существующая в форме физического тела (телесная), закрепляющее принадлежность этой вещи лицу и непосредственное над ней господство в определенном объеме правомочий, пользующееся защитой от любого нарушителя»⁸.

В контексте вышеприведенных определений вещного права возникает необходимость обратить внимание на следующее.

Во-первых, представляется вряд ли этимологически корректным в определении вещного права употреблять выражение «непосредственное господство над вещью». Термин «господство» имеет исключительно государственно-политическое лексическое значение, когда один человек или группа (класс), занимающие господствующее положение в обществе, могут навязывать (диктовать) свою политическую волю и требования другому человеку или группе лиц (части общества), зависящим от первых и вынужденным подчиняться им. Поэтому «господство» над вещью, существующей «в форме физического тела», независимо от того, идет ли речь о «непосредственном» или «опосредованном» «господстве», его «объеме» и т. д., принципиально невозможно. Вещь абсолютно иррелевантна к тому, будет ли в отношении ее осуществляться какое-либо «господство» или нет.

Этот термин современными цивилистами некритически заимствован из трудов некоторых дореволюционных исследователей вещного права, которые, в свою очередь, восприняли его из древнеримского права – характеристики права собственности как непосредственного господства лица над вещью, и экстраполирован затем в отношении определения всего феномена вещного права.

Во-вторых, поскольку «непосредственное господство» над вещью более характерно для осуществления собственником своих правомочий, то использование данного выражения для определения родовой категории «вещное право», охватывающей собой помимо права собственности также ряд иных – «несобственнических» прав, методологически вряд ли является релевантным.

⁷ Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2017. – С. 52.

⁸ Щенникова Л. В. Вещное право : учеб. пособие. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – С. 72.

В-третьих, не кажется достаточно обоснованным выделение в определении вещного права момента, характеризующего его как закрепляющего «принадлежность этой вещи лицу». Так, если лицо в силу установленного сервитута осуществляет право «прохода» к своему земельному участку по кромке земельного участка соседа, то здесь вряд уместно говорить «о принадлежности» используемого для прохода земельного участка сервитуарию (обладателю сервитута).

В-четвертых, сомнительным также является и указание на такой признак, как то, что вещным признается право, «пользующееся защитой от любого нарушителя». В связи с этим можно заметить, что и обязательственное право тоже пользуется защитой как от контрагента по обязательственному правоотношению, так и от любого третьего лица – нарушителя этого права. Иное дело, что для защиты вещных прав используются специфические правовые инструменты – вещно-правовые иски. Правда, данный момент характеризует вещное право не в его нормальном (позитивном) состоянии и развитии, а когда оно, нарушенное, принимает форму правопритязания.

В-пятых, представляется излишним в определении вещного права указывать «параллельно» два таких его признака, как «предоставляющее своему обладателю возможность непосредственного господства над индивидуально-определенной вещью» и «отстранение от нее всех других лиц», поскольку первый из названных признаков полностью «поглощает» по своему логическому объему второй.

В цивилистической литературе приводятся и другие определения вещного права, в которых также отмечаются некоторые неатрибутивные, не свойственные ему признаки. Так, «вещным называют право на вещь, имущество (*ius in rem*), которое предоставляет своему обладателю определенный вид и меру возможного поведения, предполагающего непосредственное воздействие на вещь (имущество)» (курсив – авт.)⁹. Здесь обращает на себя внимание то, что говорится о виде и мере возможного поведения обладателя вещного права, предполагающего (поведения) «непосредственное воздействие на вещь (имущество)».

Думается, что такое выражение своими истоками (корнями) также уходит в древнеримскую лексику и не отвечает современному пониманию сущности вещного права. Обладателю вещного права при осуществлении своего поведения часто отнюдь не требуется оказывать «непосредственное воздействие на вещь». Тем более, в этом может и не быть необходимости в современных условиях при возможностях цифровых технологий и виртуального пространства, когда человек может совершенно свободно и быстро осуществлять свои вещные права в отношении конкретной вещи (имущества), которая в пространстве может находиться очень далеко от места его пребывания, при этом не нуждаясь ни в каком «непосредственном воздействии» на нее.

В литературе встречаются и такие определения вещного права, которые носят крайне лаконичный характер, что затрудняет возможность отличить феномен вещного права от иных правовых явлений частноправовой действительности. Так, З. А. Ахметьянова определяет «**вещное право** (выделено – авт.) как разновидность субъективного гражданского права, как обеспеченные законом вид и меру возможного поведения субъекта в отношении определенной вещи (имущества) (курсив – авт.), будь то абсолютное вещное право – право собственности или же какое-либо ограниченное вещное право»¹⁰.

Приведенное определение вещного права вряд ли позволяет сколько-нибудь четко отличить его от понятия обязательственного права, которое тоже представляет собой «вид и меру возможного поведения субъекта» и очень часто также возникает «в отношении определенной вещи (имущества)».

⁹ Цит. по: Ахметьянова З. А. Вещное право : учебник. – М. : Статут, 2011. – С. 59.

¹⁰ Ахметьянова З. А. Указ. соч. С. 64.

В другом случае определение вещного права сведено к юридически обеспеченной возможности «пользоваться индивидуально-определенной вещью в своем интересе и независимо от других лиц»¹¹, упуская при этом другие элементы вещных прав.

В литературе имеется и такое определение, в котором вещное право как родовое явление отождествляется с его видом – понятием ограниченного вещного права, когда, например, вещное право интерпретируется как абсолютное субъективное право лица, обладающего возможностью в своих интересах в рамках предоставленных ему законом правомочий непосредственно использовать принадлежащую на праве собственности другому лицу вещь, не прибегая к содействию собственника¹².

В проекте Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (законопроект № 47538-6/5, далее – законопроект)¹³ – 11-й «блок» поправок в Гражданский кодекс РФ, в том числе в его раздел II «Право собственности и другие вещные права» – сформулировано следующее определение: «Вещные права – это права, предоставляющие лицу непосредственное господство над вещью, а также являющиеся основанием осуществления вместе или по отдельности правомочий владения, пользования и распоряжения ею в установленных пределах».

В целом данное определение заслуживает положительной оценки. Вместе с тем представляется необходимым обратить внимание на некоторые его особенности.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что в приведенном определении вещные права идентифицированы через призму права собственности («непосредственное господство над вещью»), что методологически вряд ли корректно – определять всю систему вещных прав по модели только одного из элементов данной системы.

Во-вторых, требует уточнения та часть определения, которая касается объекта вещных прав – вещи; очевидно, здесь речь должна идти об индивидуально-определенной вещи (имуществе).

В-третьих, в приведенном определении имеется некоторая тавтология: «Вещные права – это права...» Необходимо уточнить, о каком смысловом значении данного термина здесь идет речь. Термин «вещные права» может пониматься: 1) в объективном смысле – как совокупность соответствующих норм гражданского права (подотрасль гражданского права); 2) как совокупность абсолютных правоотношений, носящих имущественный (вещный) характер; 3) как вид (разновидность) субъективных гражданских прав.

В-четвертых, в рассматриваемом определении подчеркивается, что вещные права являются основанием осуществления правомочий по владению, пользованию и распоряжению вещью «в установленных пределах», что, однако, не проясняет ответ на вопрос о том, могут ли сами стороны на основе взаимного соглашения устанавливать вещные права, не предусмотренные законом.

С учетом вышеотмеченного представляется возможным сформулировать следующее определение: «Вещное право как определенный вид и мера субъективного гражданского права представляет собой *совокупность установленных законом*

¹¹ Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – М. : РГ-Пресс, 2011. – С. 602 (автор гл. 19 – Н. Н. Аверченко).

¹² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малейной. – М. : Норма, 2006. – С. 483 (автор комментария – А. И. Масляев). См. об этом также: Ахметьянова З. А. Указ. соч. С. 64.

¹³ URL: <http://privlaw.ru/povestka-47/> (дата обращения: 06.03.2020).

правомочий, носящих абсолютный характер, складывающихся по поводу владения, пользования, распоряжения (иных действий) индивидуально-определенной вещью (имуществом), которые могут осуществляться как в их совокупности, так и по отдельности в установленных законодательством пределах».

Говоря о методологии исследования феномена вещных прав, прежде всего хотелось бы обратить внимание на то, что следует говорить о таких признаках вещного права, которые характеризуют специфику всего того, что свойственно всем видам вещных прав, охватываемых указанной родовой категорией. Отсюда, в частности, следует, что методологически некорректно выделять в определении вещного права такой признак, как «непосредственное (или «прямое») господство лица над вещью» – особенность, свойственная праву собственности – одному из элементов в системе вещных прав, однако не для всех их видов.

Методологически важно также определиться с пониманием сущности вещного права – это право, регулирующее отношение лица к вещи или отношения между людьми по поводу вещей? Исследователями предложены по этому поводу разные подходы, в том числе и противоположные по своей сущности.

Как представляется, любое правоотношение, в том числе вещно-правовое, всегда носит социальный характер – может складываться только в рамках и посредством общественной формы, то есть между людьми. Никаких социальных отношений между вещью и человеком нет и в принципе быть не может, ибо такие отношения предполагают взаимную социальную коммуникацию, двустороннее взаимодействие, взаимную ответственность и т. д., что возможно только между людьми. Вне социальных связей индивида утрачивает всякий смысл относиться к вещи как к «своей» или, наоборот, как к «чужой».

Конечно, в обществе человек, с одной стороны, может относиться к вещи как к «своей» либо как к «чужой», однако, с обратной стороны, вещь относиться к человеку никак не может. Поэтому можно сказать, что отношение человека к вещи является формой проявления социальных отношений между людьми по поводу вещей, регулируемых (отношений) вещным правом. И здесь не надо конструировать какие-то конкретные правоотношения, якобы в таком случае неминуемо возникающие между обладателем вещного права и каждым отдельным индивидом определенной страны и, более того, «всего человечества». Любой гражданин (третье лицо) в таких случаях просто должен воздерживаться, в силу закона, от нарушения вещного права соответствующего субъекта и не более того, что достаточно условно можно назвать абсолютными правоотношениями, при этом не придавая данной юридической конструкции никакой эфемерной коннотации, как это нередко случается в юридической литературе.

Важное значение для понимания специфики вещных прав имеет установление их гносеологических оснований – обусловленности экономическими факторами, степени влияния последних на юридическое оформление и функционирование вещных прав.

Большинство авторов рассматривает вещные права как разновидность субъективных гражданских прав. В частности, Л. В. Щенникова, отвечая на вопрос о том, можно ли вещное право именовать субъективным гражданским правом, указывает, «что для такой характеристики не должно быть возражений»¹⁴. Поясняя данную мысль, автор, далее, отмечает: «Как и любое другое субъективное право, вещное право составляет определенную меру возможного поведения и носит волевой характер. Воля обладателя права является определяющим и решающим моментом при его реализации»¹⁵.

¹⁴ Щенникова Л. В. Указ. соч. С. 62.

¹⁵ Там же.

Вместе с тем в литературе по этому поводу высказан и иной – противоположный – взгляд. Так, известный дореволюционный цивилист Ю. С. Гамбаров полагал субъективно-индивидуалистический подход к вещным правам неверным. Вещные права, по мысли данного автора, не имеют самостоятельного значения, а «подчиняются определениям объективного правопорядка, служащего выражением не субъективных, а объективных интересов»¹⁶.

Думается, что две вышеприведенные позиции представляют собой разные гносеологические уровни – абстрактный и конкретный – в осмыслении, в сущности, одного и того же явления частноправовой действительности, и взаимно противопоставлять их можно только до известных пределов (границ).

В самом деле, вещные права как важнейшие элементы в системе гражданских прав, конечно, обусловлены экономическими производственными отношениями, связанными с производством (присвоением), распределением, обменом и потреблением материальных благ. И вещные права представляют собой не что иное, как, в широком смысле, юридическое оформление указанных экономических отношений. Однако такое «оформление» осуществляется не «механически», а представляет собой сложный социальный процесс, отражающий в своем содержании национальные, исторические, экономические, культурные и иные особенности конкретного социального образования – общества, государства, определенной группы стран и т. д. Иначе трудно было бы объяснить, почему однотипные экономические отношения присвоения и использования земельных участков оформляются юридически по-разному в различных правопорядках – вещными правами в европейском континентальном праве и «титулами» – *estate* и *interest* – в англо-американском праве¹⁷.

С другой стороны, в понимании особенностей вещных прав можно и нужно усматривать также и субъективный аспект: в самом факте возникновения вещных прав, их осуществлении, сохранении, защите и т. д., безусловно, проявляется индивидуальная воля и интерес конкретного человека. Поэтому в познании особенностей такого феномена, как вещное право, важно не упускать из внимания как объективные, так и субъективные гносеологические основания (начала).

Исследователи выделяют различные признаки вещного права как по их количественному составу, так и по их характеру (сущности). Так, А. В. Латыев полагает, что «для определения вещных прав вполне достаточно двух признаков – материальности их объектов и абсолютности вещных правоотношений»¹⁸. Л. В. Щенникова рассматривает три признака вещного права – его объект, содержание, особенности защиты¹⁹; Н. Н. Аверченко выделяет также три признака, однако в основном иных по своей сущности – объект вещного права, его «абсолютность» и пользование вещью исключительно в своем интересе²⁰; З. А. Ахметьянова отмечает шесть признаков – юридическую связь с вещью, господство над ней; объект – определенная вещь; возможность субъекта удовлетворять свой интерес без посредства других лиц; обязанность всех иных лиц не препятствовать осуществлению субъектом принадлежащих ему правомочий; абсолютный характер защиты; свойство (право) следования²¹; а Е. А. Суханов обращает внимание на более широкий круг таких признаков, включающий 10 особенностей вещного права: его

¹⁶ Гамбаров Ю. С. Вещное право : лекции. – СПб., 1908–1909. – С. 4 ; см. об этом также: Щенникова Л. В. Указ. соч. С. 62–63.

¹⁷ См. об этом также: Суханов Е. А. Указ. соч. С. 45.

¹⁸ Латыев А. Н. Проблема вещных прав в гражданском праве. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2003. – С. 81.

¹⁹ Щенникова Л. В. Указ. соч. С. 66–70.

²⁰ Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – С. 590–594 (автор гл. 19 – Н. Н. Аверченко).

²¹ Ахметьянова З. А. Указ. соч. С. 76–77.

юридическую «прочность», господство над вещью, абсолютный характер, вещные права могут создаваться только законом, закрытый перечень вещных прав, их публичный характер, специфический объект (индивидуально-определенная вещь), принцип специализации, вещно-правовые способы защиты, преимущества вещных прав в применении перед обязательственными правами²².

Отмеченные различия, очевидно, можно объяснить разными обстоятельствами, в том числе особенностями понимания авторами такой категории, как «признаки вещного права», их природы, гносеологических оснований (критериев). В связи с этим, с методологических позиций возникает общий вопрос: какой же более адекватный подход необходимо избрать при исследовании такого феномена, как признаки вещного права?

Прежде всего, термин «признак», как представляется, следует понимать как особенность объекта, которая (или совокупность таких особенностей) позволяет отличать данный объект от иных аналогичных сущностей. В связи с этим необходимо обратить внимание на один важный момент: объекты, признаки которых подлежат сравнению, должны обладать таким свойством, как «сопоставимость», то есть не выступать в качестве совершенно разнородных сущностей, иначе теряет всякий смысл сравнивать их признаки.

Это методологическое положение нередко нарушается, когда, например, сравнивают свойство (право) «следования», предусмотренное законом применительно к вещному праву, с феноменом, обозначаемым таким же термином (право «следования»), однако используемым в совершенно иной частноправовой области – сфере интеллектуальных прав, и пытаются на этой основе сделать вывод о том, что свойство – право «следования» – не присуще вещному праву, поскольку, дескать, такой же признак имеется и у интеллектуальных прав. В то время как такое сравнение методологически является совершенно некорректным, ибо сравниваемые объекты представляют собой «качественно» разнородные сущности, а следовательно, совпадающий по названию между ними признак (признаки) носит исключительно формальный, а не содержательный (сущностный) характер и не содержит в себе никакой научной информации. В философии справедливо обращено внимание на то, что существует различие между такими понятиями, как «тождественные» признаки и признаки «сходные»²³, но не идентичные.

Как отмечает философ В. А. Канке, «каждый объект выступает как совокупность признаков, т. е. свойств и отношений»²⁴. Признаки объекта, по мысли названного автора, делятся на два класса: свойства тел – то, что «не зависит от их отношений к другим объектам», и отношения – характеризующие «соотносительность или большего числа объектов»²⁵. Для области правоведения, в частности вещного права, адекватной представляется характеристика признаков через термин «свойства».

В частноправовой литературе нередки случаи, когда при определении признаков вещного права авторы используют исключительно формально-догматический подход, полагая, что только такие атрибуты, которые «прямо» закреплены законом, должны приниматься во внимание, и ничего более. Поэтому для понимания и выявления признаком объекта, в особенности такого сложного объекта познания, как «вещное право», методологически важно изначально определиться с тем, носит ли феномен «признак» объективный характер, то есть существует ли он в объективной реальности, и тогда задача исследователя сводится лишь к тому,

²² Суханов Е. А. Указ. соч. С. 45–51.

²³ Более подробно об этом см.: Канке В. А. Общая философия науки : учебник. – М. : Омега-Л, 2009. – С. 14–15.

²⁴ Там же. С. 13.

²⁵ Там же.

чтобы только «сканировать» его и элементарно описать, или же «признак» – это сугубо субъективная категория, находящаяся исключительно в области мыслительных абвераций исследователя, плод его научных размышлений и представлений. В последнем случае количество и характер (существо) сформулированных признаков будет зависеть исключительно от степени субъективного воображения автора.

Однако вышеобозначенные грани – это лишь две крайние стороны указанной проблемы, которая в действительности носит гораздо более сложный характер. В философии при рассмотрении природы элементарных научных форм обращаются к характеристикам не только объектов, но и их ментальных и языковых коррелятов. Речь идет о том, «что соответствует признакам изучаемых объектов в сознании и языке теоретика» – предикаты – высказанные исследователем признаки объекта, которые также могут быть воспроизведены в сознании²⁶. Для обозначения признака, представленного в сознании исследователя, необходим соответствующий термин – знак, конкретный образ (в феноменологии – эйдос) – ментальный коррелят объекта. Что же касается ментальных коррелятов признаков объектов, то такие «корреляты» в философии предложено называть «менталиями» – относящиеся к духовной сфере, представленное в мыслях²⁷.

Таким образом, «признаки» – это ментальные формы объектов, их мыслительные и «чувственные», эмоциональные корреляты («образы»), что следует понимать как то, что природа «признака» носит объективно-субъективный характер; объект познания (в нашем случае – «вещное право») существует как феномен социально-правовой реальности, а его признаки в идеальной форме осмысливаются исследователем.

В практическом плане это означает то, что исследователь может оперировать не только теми признаками вещного права, которые непосредственно закреплены в законе, но также и выводить соответствующие признаки как результат научного осмысления положений законодательства о вещном праве, соответствующей практики – ментальный коррелят объекта социально-правовой реальности. Так, например, в законодательстве «напрямую» не закреплен такой признак, как исключительный характер вещного права. Значит ли это, что и не имеется основания для выделения такого признака в теории, да и на практике? Думается, что причины для этого в связи с указанными выше обстоятельствами не имеется. Аналогично, опосредованно из законодательства можно вывести и такой признак, как «публичность» вещного права.

Поэтому представляется чрезмерно категоричным утверждение Н. Н. Аверченко о том, что «безусловной “лакмусовой бумажкой”, с помощью которой оценивается пригодность признака, должны быть те права, которые закон прямо (*expressis verbis*) называет вещными»²⁸. Однако затем автор значительно смягчает свою позицию. Говоря о том, что вещные права – это всегда продукт позитивного права, Н. Н. Аверченко отмечает: «Естественно, этот принцип не ограничивает цивилистику в выработке собственных критериев, отличающихся от законодательных или дополняющих их. Более того, набор прямо названных в законе вещных прав выглядит довольно эклектичным и, очевидно, нуждается в теоретическом переосмыслении»²⁹.

В этом контексте возникает и другая проблема теоретического и практического характера, когда нередко закон не называет некое конкретное право вещным, однако придает ему вещно-правовую защиту, наделяет его свойством «следова-

²⁶ Канке В. А. Указ. соч. С. 15.

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – С. 589.

²⁹ Там же.

ния» либо, наоборот, когда законодатель прямо обозначает определенное право как вещное, однако не допускает, например, возможности его «следования», как это имеет место применительно к праву гражданина, проживающего совместно с собственником в принадлежащем последнему жилом помещении (ст. 31 ЖК, ст. 292 ГК РФ).

Как представляется, в первом случае с учетом анализа сущностных признаков данного права, не поименованного прямо как вещного, не исключается в результате анализа отнесение его к категории вещных прав со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями. Что же касается второго случая, то здесь необходимо комплексное исследование ряда моментов, в том числе всех иных сущностных особенностей такого права, его месторасположение среди других норм, соотношение с обязательственным правом, не допущена ли со стороны законодателя здесь ошибка в названии этого права в качестве вещного и т. д. Неоднозначно, однако по форме императивно выраженная позиция законодателя в квалификации данного права как вещного, для его адекватного применения требует соответствующих разъяснений и указаний со стороны высших судебных инстанций с целью формирования определенной правоприменительной практики.

При определении признаков вещного права возникает и такая проблема, когда одни исследователи отвергают те или иные признаки, признаваемые другими авторами как имманентные для вещного права, ссылаясь при этом на разные обстоятельства, в том числе на то, что аналогичные признаки имеются и у других гражданских прав, либо указывают на то, что соответствующий признак не присущ всем видам вещных прав или выступает лишь в качестве результата реализации режима вещного права и т. д.

Так, Н. Н. Аверченко, отвергая «владение» как признак вещного права, обращает внимание на то, что «вывод (о том, что все вещные права снабжены правомочием владения) при всем желании будет явной натяжкой». И далее автор, рассуждая в этом направлении, отмечает, со ссылкой на статью А. О. Рыбалова, что «и свойство следования, и вещно-правовая защита не являются признаками вещного права, а выступают как проявления его режима, т. е. как *последствия*» (курсив – авт.)³⁰. Сомнительно, по мысли Н. Н. Аверченко, относить к признакам вещного права и ряд иных моментов, касающихся закрепления исчерпывающего перечня вещных прав в законодательстве, правомочия распоряжения, бессрочности вещных прав, преимущественного удовлетворения их перед обязательственными правами на одну и ту же вещь, «старшинства» вещного права.

В итоге названный автор формулирует следующее определение: «Вещное право в объективном смысле – это система норм права, обеспечивающих возможность пользования индивидуально-определенной вещью в своем интересе и независимо от других лиц»³¹.

В связи с этим представляется возможным кратко обратить внимание лишь на отдельные моменты.

Вышеприведенное определение, как представляется, страдает неполнотой отраженных в нем признаков данного юридического феномена, где все правомочия владельца вещного права сведены лишь к «возможности пользования» вещью, игнорируя то, что вещному праву – в широком смысле этой категории – присущи и иные правомочия, в частности правомочие владения, распоряжения. Иное дело, что в праве собственности «присутствуют» все три указанные правомочия, а в других видах вещных прав эти правомочия в той или иной мере представлены (проявляются) в различных моделях их сочетания – порознь (по отдельности) или в соответствующей их взаимосвязи.

³⁰ Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – С. 598.

³¹ Там же. С. 603.

Небесспорным представляется отрицание свойства «следования» и вещно-правовой защиты как признаков вещного права на том основании, что они «выступают как проявления его режима, т. е. как последствия». Правовой режим – достаточно общая категория, и с этих позиций все вещные правомочия как признаки вещного права выступают так или иначе, в конечном счете, формами проявления его правового режима. Поэтому, рассуждая таким образом, вообще становится невозможным выделять какие-либо правомочия как отдельные признаки вещного права. Вместе с тем свойства «следования» и вещно-правовой защиты – атрибуты, которые выражаются не только в форме результата реализации режима вещного права, но также присущи данному феномену и в его «статике» как потенциальные правовые возможности, обладающие своим специфическим содержанием, назначением и функциями.

Что же касается отрицания некоторых атрибутов как признаков вещного права в связи с тем, что такие же свойства наблюдаются и у некоторых других явлений гражданско-правовой действительности, в частности в обязательственных правах, то здесь необходимо учитывать один важный момент. Как уже выше обращалось внимание, обозначаемые одним и тем же термином (знаком) признаки разных явлений отнюдь не всегда являются тождественными (идентичными). Применительно к вещному праву это означает, что, например, признак (свойство) «следования» в вещном праве и обозначаемая таким же термином (знаком) особенность в обязательственном праве – не есть абсолютно тождественные (идентичные) признаки по своему конкретному содержанию, функциям, целевому назначению.

В порядке краткого резюме по обсуждаемой проблематике можно отметить, что при формировании нового института вещных прав необходимо четко методологически определиться с онтологическими и гносеологическими основаниями вещных прав, соотношением данной категории со «смежными» понятиями, а также учесть современные теоретические и практические достижения в указанной области как в России, так и в высокоразвитых зарубежных правовых системах.

Литература

1. Андреев В. К. О праве частной собственности в России (критический очерк) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система.
2. Ахметьянова З. А. Вещное право : учебник. – М. : Статут, 2011. – 360 с.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1 : Общие положения. – 2-е изд. – М., 1999. – 848 с.
4. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. – М. : Л. : Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948 (Ленинград). – 840 с.
5. Гамбаров Ю. С. Вещное право : лекции. – СПб., 1908–1909.
6. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – М. : РГ-Пресс, 2011. – Гл. 19.
7. Канке В. А. Общая философия науки : учебник. – М. : Омега-Л, 2009. – 354 с.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. – М. : Норма, 2006. – С. 483.
9. Кулагин М. И. Избранные труды. – М., 1997. – 329 с. – (Серия «Классика российской цивилистики»).
10. Латышев А. Н. Проблема вещных прав в гражданском праве. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2003. – 186 с.
11. Паризи Ф. Энтропия собственности // Ежегодник сравнительного права. 2011 / под ред. Д. В. Дождева. – М. : Статут, 2011. – С. 188–226.
12. Повестка заседания Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (6 декабря 2019 г., г. Казань) // Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. – URL: <http://privlaw.ru/povestka-47/> (дата обращения: 06.03.2020).

13. Покровский И. А. История римского права / пер. с лат. А. Д. Рудокваса. – СПб. : Летний сад, 1999. – 560 с.
14. Солидори Маруотти Л. «Абсолютная собственность» и «относительная собственность» в европейской правовой истории // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – 2004. – № 2 (14). – С. 7–50.
15. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2017. – 559 с.
16. Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права : сб. ст. / ред. В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. – М. : Городец, 2000. – С. 81–112.
17. Щенникова Л. В. Вещное право : учеб. пособие. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. – 238 с.
18. Parisi F. Duality in Property // American Journal of Comparative Law. – 2002. – Vol. 50. – P. 595–622.

Mikhail Nikolaevich Semyakin,

Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the Department of Scientific Research, Ural State Law University;
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;
Professor and Head of the Department of Private Law, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Methodological Problems of Understanding Property Law, its Importance in the Context of the Modern Reform of Civil Law of the Russian Federation

Abstract. The article analyses the methodological problems of understanding property law - one of the central institutions of civil law. The author considers interpretation and distinctions of such epistemological categories as feature and property. And on this basis, he looks at the features of the law of things. The author also and examines various definitions, including the definition proposed in the draft of the federal law ‘On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation’. The narrow approach to the definition of right in rem comes under fire when the latter is associated exclusively with property law. The author castigates a dogmatic approach for focusing on only those features of the law of things that the legislator indicates. The model of ‘split’ property is under scrutiny. The author analyzes several features of property law, taking into account the modern capabilities provided by digital technologies and virtual space. The author substantiates the stipulation that in the definition of the right in rem, it is methodologically incorrect to distinguish a feature ‘direct’ (or ‘absolute’) domination of a person over a thing. The fact is that feature characteristic of property law is one of the most important but not the only one. The author proposes his definition of property law.

Keywords: property law; right in rem; the law of obligation; property; the right to another's thing; legal actions; legal relationship